

63, 3/8-2 (номер 2)
и 90

ИСТОРИЯ СЕЛА ЯМ И ХРАМА ФЛОРА И ЛАВРА

63.8(2-2 Домодедово)
VI 90

**История села Ям и храма
свв. мчч. Флора и Лавра
(период с XIII в. по начало 30-х г.г. XXв.)**

**Житие священномученика протоиерея
Ярослава Савицкого, Ямского**

26
МУК "ЦБС"
городского округа Домодедово
Фр - 1367

Храм во имя свв. мчч. Флора и Лавра
в селе Ям

2002

АБ	Домодедовская ЦБ
----	---------------------

История села Ям и храма свв. мчч. Флора и Лавра (период с XIIIв. по начало 30-х гг. XXв.). **Житие священномученика протоиерея Ярослава Савицкого, Ямского** – Храм во имя свв. мчч. Флора и Лавра, 2002. – 34 с.

© Храм во имя свв. мчч. Флора и Лавра

Содержание

Предисловие

Г.Ф. Гарин. История села Ям и храма свв. мчч. Флора и Лавра

Начало истории села Ям

Церковь во имя свв. мчч. Флора и Лавра

От кельи до монастыря (материалы к жизнеописанию юродивого Христа ради Ивана Степанова)

Житие священномученика протоиерея Ярослава Савицкого, Ямского

Предисловие

В начале 90-х годов XX в. верующим стали возвращать храмы, закрытые в годы последних гонений на Церковь. Храм во имя святых мучеников Флора и Лавра в селе Ям возобновил служение 14 апреля 1990 года. Теперь, когда прошло более десяти лет с этого момента и жизнь в церкви постепенно налаживается, особый интерес привлекает к себе история храма, во многом забытая.

В этой книге на основе архивных материалов воссоздается история села, храма, история Крестовоздвиженского Иерусалимского монастыря в с. Лукино, рассказывается об истории строительства Покровского храма в Горках. Читатель, давно живущий в этой местности, узнает здесь знакомые названия близлежащих деревень и сел: Павловское, Белеутово, Домодедово, Старое и Новое Съяново, встретит упоминания известных фамилий односельчан.

Исследование жизненного пути юродивого Христа ради, уроженца деревни Съяново Ивана Степанова, в таком полном виде опубликовано впервые. Иван Степанов много потрудился для храма и создания Крестовоздвиженского Иерусалимского монастыря. Эта публикация поможет сохранению памяти о подвижнике, который вырос на этой земле.

Работа Г.Ф. Гарина охватывает период вплоть до начала 30-х годов XX века. Далее след в архивах теряется. О периоде, предшествующем закрытию храма, можно узнать на основе жития священномученика протоиерея Ярослава Савицкого – последнего настоятеля, служившего в храме перед его закрытием и принявшего мученическую кончину 8 декабря 1937 года. Определением Архиерейского собора 2000 г. отец Ярослав Савицкий канонизирован в лике святых с именем *Ярослава Ямского*.

Г.Ф. Гарин

История села Ям и храма свв. мчч. Флора и Лавра (период с XIII в. по начало 30-х гг. XX в.).

Начало истории села Ям

Начало истории села и его церкви, по данным специалистов Государственного исторического музея г. Москвы, уходит в XIII в. Именно этим временем датируются два селища на современной территории села, выявленные в 1995 г. Само слово «ям» тюркского происхождения и обозначает селение, расположенное на почтовом тракте, в котором живут ямщики с семьями. Одно из первых документальных сведений о селе относится к 1543 г., когда архимандрит Симонова монастыря жаловался Великому князю Ивану Васильевичу на фроловских (правильнее – флоровских) ямщиков, которые с крестьян принадлежавшего монастырю сельца Коробово «емлют по все дни под гонцы подводы многие и в том крестьянам от ямщиков чинится нужда и обида великая».

Очевидно, что уже в то время существовал и приходской погост с церковью во имя мучеников Флора и Лавра, почитавшихся на Руси покровителями домашнего скота, а особенно лошадей. По давней традиции в день памяти святых 18 (31) августа около церкви устраивался «лошадиный праздник», в который со всей округи сводили разукрашенных кумачовыми лентами, под расшитыми цветными попонами в лучшей сбруе коней, купали их в реке Пахре и в озерах, называвшихся ямскими. В самой церкви, по обычаю, в этот день служили торжественный молебен, после завершения которого коней кропили святой водой. Праздник этот почитался особенно, так как на протяжении многих веков лошадь являлась кормилицей и незаменимой помощницей не только ямщиков, но и всех крестьян.

Упомянут Ям и в разрядной книге за 1579 г. «Октября в 7-ой день по вестям, что пришли крымские люди к Туле и к Дедилову и воюют Тульские места и перелезли реку выше Люблино человек двести, и по тем вестям послал государь на Пахру воевод князя Ивана Лобанова-

---

¹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ленинград, 1983, с. 87.

Ростовского, да Федора Головина и стояли под Колычевым и на Фроловском Яму октября в 12-й день».²

Из описи земель Московской ямской Коломенской слободы 1627 г. следует, что Фроловско-Пахорский Ям был придаточным к ямской Коломенской слободе и в конце XVI в. в нем насчитывалось 20 дворов ямских охотников, но 18 из них при царе Феодоре Ивановиче переведены под Москву в Коломенскую ямскую слободу, а земля того Яма на Каширской дороге по обе стороны р. Пахры.³

Ко времени переписи здесь осталось лишь два двора ямщиков, в которых проживали, сменяя друг друга, ямщики Коломенской слободы, обрабатывая здесь пашню наездом и запасая сено для своих коней. На чертеже местности, расположенной между рекой Пахрой и Рожая (составленном в начале 60-х гг. XVII в.), на месте бывшего Яма обозначена деревня Ямская. Она располагалась по правой стороне Каширской дороги, если ехать из Москвы, и в некотором удалении от р. Пахры, а в документах более поздних лет сведений о деревне не обнаружено, земля же (около 350 дес.) оставалась за Коломенской ямской слободой вплоть до начала XX в., что послужило впоследствии причиной множества спорных дел между ямщиками с одной стороны, дворцовым ведомством и местными крестьянами, с другой, нередко разрешавшихся «с высочайшего позволения».

Когда в 60-х гг. XVII в. по повелению и личном участии царя Алексея Михайловича началось интенсивное заселение конюшенной Домодедовской волости, население которой сильно сократилось во время набега крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. и в годы смуты, наряду с прочими нововведениями на землях волости решено было культивировать посевы льна для его продажи. На земле ямщиков были поселены 28 дворов «льняных трепцов» и был открыт даже небольшой торжок для продажи льна на государя. После смерти Алексея Михайловича ямщики просили царей Ивана и Петра Алексеевичей возвратить отобранную у них землю. Прибывшие на место для досмотра думный дворянин Викул Извольский и подъячий Петр Звездин нашли, что взятая ямская земля находится на правом берегу р. Пахры по обе стороны Каширской дороги и смежна с землей с. Пахрино. «А на той земле, где живали ямщики, ныне живут наемные

² Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. с. 306.

³ Российский Государственный архив древних актов (далее РГАДА), ф. 1209, оп.1, д.265, №2.

бобыли, что бывали льянные трепцы в 28 дворах, - отмечали они, - а под дворами их и огородами усадебной земли три десятины. По писцовым книгам 1628 г. за ямщиками записано 350 десятин пашни, покоса и леса, а по нынешнему межеванию в их владении 268 десятин».

По грамоте царской от 19 июля 1682 г. велено возвратить коломенским ямщикам изъятую у них землю, «а трепцов с той их земли свести и поселить их в с. Пахрине, но торжку на той земле быть и пошлину на великих государей собирать пахринским целовальникам по прежнему».⁴ Как видно из других документов, это царское повеление выполнено было не полностью: бывшие трепцы остались на своем месте. Более того, конюшенская канцелярия в рапорте шталмейстеру Л.А. Нарышкину предложила землю, занятую под усадьбами трепцов, ямщикам не отдавать, так как, «ежели отдача учинится, то живущим здесь с давних лет трепцам воспоследует крайнее разоренье, а ямщики свою претензию имеют беззаконно, чиня свои наглые прихоти, ибо им отдается земля в недостаточное число хорошая и к их землям прикосновенна»⁵.

Знакомство с многочисленными архивными документами по истории села свидетельствует о том, что со второй половины XVII в. владение его землями ямщиками Коломенской ямской слободы служило серьезным препятствием его развития. Ведь для того, чтобы поселиться здесь, надо было получить согласие ямщиков, выплачивать им далеко не символическую арендную плату за землю.

Однако расположение села на оживленной Каширской дороге порождало необходимость создания определенных условий для многочисленных проезжающих. Поэтому состоятельные крестьяне соседних селений ставили здесь дворы «для постоя проезжающих людей», открывали чайные и трактиры, небольшие лавки, становясь жителями села. Поскольку их земельные паи сохранялись за ними в родных селениях, то здесь они числились «беспашенными бобылями».

В 1706 г. село, как и вся волость, были пожалованы Петром I князю А.Д. Меншикову. По переписи 1709 г. в селе насчитывалось уже 32 двора, в т.ч. 3 – церковного причта и 21 бобыльский,

⁴ РГАДА, ф. 1239, оп.3, л. 60274, л. 147.

⁵ Там же, л. 149.

выплачивавших оброк светлейшему, да 8 оброчных же бобыльских дворов стояли на другом берегу Пахры⁶.

После опалы князя село вновь перешло в дворцовое ведомство и на долгие годы оказалось связанным с соседним селом Пахрино, где была построена императорская сводная конюшня. Часть ее служителей поселили в селе, а некоторых жителей села взяли на службу в придворную контору. Один из них был определен стряпчим конюхом, три брата Федосеевых переведены на золотоканительную фабрику при дворце Екатерины II в Санкт-Петербурге⁷. Последняя, проезжая в 1767 г. через село в Пахрино, обратила внимание на следы недавно случившегося здесь пожара и, узнав, что село это дворцовое, «всемиловитейше повелела построить для погорельцев каменную избу, пожаловала им несколько денег и высказала пожелание, чтоб и прочие его жители строили каменные для прочности и безопасности от огня дома». Воля Императрицы была исполнена в этом же году⁸. Кто знает, может быть, это было первое каменное строение в селе.

«Пахра, Старый Ям тож, - записано в документе начала XIX в., - село дворцового ведомства по обе стороны большой Каширской дороги и реки Пахры. В нем церковь деревянная и более 50 крестьянских дворов. Через Пахру – деревянный мост на сваях. Бывают еженедельно торги по пятницам, на которых приезжие купцы продают шелковые материи, харчевые и прочие мелочные товары небольшим количеством. В крутом берегу реки ломают известковый камень, который, отсесав разной меры и величины, отвозят в Москву на продажу.... От села к казенному конскому заводу посажена прешпектива из березок».⁹

5 сентября 1812 г. через село прошли главные силы русской армии в составе 2-го корпуса под командованием генерала К.Ф. Багговута, 4-й пехотный корпус графа А.И. Остермана-Толстого, 6-й пехотный корпус генерала Д.С. Дохтурова. По их следам через несколько дней последовала конница Мюрата. Однако село уцелело, в нем лишь разграбили казенный питейный дом.¹⁰

В период после Отечественной войны 1812 года село развивалось особенно быстро. В начале 20-х гг. здесь насчитывалось 64

⁶ РГАДА, ф. 350, оп.1, л. 248, л. 576.

⁷ Там же, ф. 1239, оп.1, л. 1464, л. 10.

⁸ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 60274, л. 149.

⁹ Словарь Географический Российского Государства, часть IV, М., 1805, с. 1024.

¹⁰ Центральный Государственный исторический архив г. Москвы (далее - ЦГИАМ), ф. 51, оп. 3, д. 78, л. 50.

капитальных дома, четыре из которых были каменными. Почти во всех из них имелись подвалы, погреба и торговые лавки. Однако земля под ними по-прежнему принадлежала ямщикам. Жители села в 1821 г. просили предоставить усадебную землю в их «вечное и потомственное владение», обязуясь сверх обычных крестьянских повинностей «отправлять навсегда в том яму и ямскую гоньбу». Ямщики же, узнав об этом, стали расторгать заключенные ранее договоры об аренде крестьянами пашенных и сенокосных земель и даже добились решения уездного суда об изъятии у тех усадебной земли и сносе всех дворовых построек. Но сельчан поддержали на самом верху: 4 мая 1824 г. Император Александр I утвердил предложение министра финансов об отмежевании из владения ямщиков 29 десятин земли и предоставлении их поселившимся здесь крестьянам бесплатно.¹¹ В то же время в селе построено сохранившееся и поныне двухэтажное каменное здание почтовой станции.

После ликвидации Пахринской сводной конюшни в 1824 г. некоторые ее служители поселились в Старом Яму, но в основном сюда продолжали переселяться жители соседних деревень. Во время крестьянской реформы 1861 г. среди мужского населения села 88 являлись выходцами из д. Белеутово, 66 – из деревни Павловской, 16 из д. Новленской, по 12 из с. Домодедово и д. Киселихи¹². Каменные дома здесь построили В.М. Анিকেев из д. Павловской, братья Иван и Ефим Расторгуевы из села Домодедово, Ф.В. Недоносков из деревни Белеутово, С.В. Бекетов из деревни Новленской. Последний избирался волостным старостой и в качестве такового в числе семи других старост дворцовых волостей в 1856 г. участвовал в коронации Александра II, в связи с чем ему высочайше пожалованы кафтан темно-зеленого сукна с золотыми галунами, шляпа и сапоги. Старосты преподнесли Императору серебряное с позолотой блюдо и солонку и были приглашены к обеденному столу на боярской площадке Большого Кремлевского дворца¹³.

В селе круглый год по пятницам продолжал работать базар. Торговля велась в лавках, расположенных в большом каменном здании, а также в десятках деревянных лавочек, принадлежавших жителям села и регулярно наезжавшим из других мест торговцам, а

¹¹ Там же, ф. 364, оп. 1, д. 14041, л. 2; ф. 17, оп. 1, л. 7360, л. 1.

¹² Там же, ф. 66, д. 2618, л.л. 1-4.

¹³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, л. 19937, л.л. 31-51.

также прямо с возов. В описании базара тех лет говорится, что особенно большой торг велся накануне масленицы, «когда лошади торговцев стояли сажени на 100 по обе стороны дороги». Сюда за продуктами и товарами приезжали из Подольска, жители округи и даже с Охотного ряда г. Москвы. Всегда оживленно было в шести трактирах, чайных и винных лавках, восьми постоянных дворах, в кузнице. Торговцы, «специалисты» на десятках возов доставляли из «степных губерний» молодых поросят, которых покупатели уносили с базара в ивовых корзинах.

Сразу на нескольких складах торговали белым тесаным камнем, кирпичом местного заводика. Через село в осенние месяцы прогоняли ежедневно в Москву до десятка гуртов крупного и мелкого рогатого скота.

Торговую функцию села резко сократило строительство Московско-Курской железной дороги, когда по ней стали доставляться товары с южных губерний. «Чугунка убила проезд по шоссе», - свидетельствовали сельчане¹⁴. Печально памятными для них стали 70-е годы. В 1871 г. в селе произошел сильный пожар, в огне которого погибли 88 жилых домов и 80 надворных построек. Многие из погорельцев еще не успели как следует отстроиться, когда через шесть лет от вылетевшей из печной трубы искры начался новый пожар. На этот раз пострадали 32 двора, но поскольку большинство из них были каменными, их обгоревшие стены поддавались восстановлению.

В эти годы шоссе мостилось камнем, замощена была и мостовая села. Кроме исстари работавшего при селе кирпичного завода, в 1906 г. В.Я. Жуков построил в селе фабрику фарфоровых цветов, на которой было занято до 70 человек, в основном женщин.

Начало XX века ознаменовалось созданием в селе добровольной пожарной дружины, в 1913 году возник ссудно-сберегательный кооператив, а через два года – общество потребителей.

Перед первой мировой войной в селе насчитывалось 136 дворов, здесь находилось волостное правление, квартира урядника.¹⁵

В первые годы советской власти фабрика искусственных цветов была национализирована и прекратила работу, а в конце 1923 г. в ее помещении расположились работники милиции. 20-е годы

---

¹⁴ ЦГИАМ, ф. 184, оп. 4, д. 31, л.л. 242-244.

¹⁵ Население местности Московской губернии. М., 1913 г.

ознаменованы открытием в селе амбулатории Мосгубздравотдела, открытием избы-читальни с первым 4-х ламповым радиоприемником и аптеки, получением электроэнергии с Каширской ГЭС.

В 1930 г. в селе создан колхоз «Ямской» с 406 га земельных угодий, на базе которого и соседних колхозов в 1961 г. создан совхоз «Ямской». В последние годы село является центром Ямского сельского округа.

Церковь во имя свв. мчч. Флора и Лавра

Первые документальные сведения о церкви содержатся в писцовой книге Ратуева стана Московского уезда за 1627 г. «Погост приходной на реке Пахре на Каширской дороге, - записано в ней, - а на погосте церковь Флора и Лавра деревянная, а в церкви и образы, и свечи, и книги, на колокольнице колокола и всякое церковное строение приходных людей, а у церкви на погосте во дворе поп Архип Васильев, во дворе церковный дьячок Илейка Прокофьев, во дворе пономарь Гришка Федоров, во дворе просвирница Ориньца Прокофьева дочь, да на погосте на церковной земле два двора бобыльских..., да того же погоста попа Архипа на реке Пахре на Большой Каширской дороге перевоз, церковная пустошь Рыбушкин враг на ручье»¹⁶.

Кроме жителей погоста в приходе церкви тогда числились жители дворцовых деревень Павловской и Белеутова, вотчин Марьи Спасительевой сельца Горки Верхние и деревни Горки Нижние, Николо-Угрешского монастыря деревень Старое и Новое Съяново, князя Алексея Михайловича Львова сельцо Пахрино.

Судьба самого погоста в те годы сложилась не совсем обычно. 46 десятин принадлежавших ему земель еще в 1626 г. по грамоте митрополита Филиппа были отданы попу Архипу, а церковь переживала не лучшие свои времена. "Ноября в 7 день 1643 г., - записано в делах Патриархии, - по указу святейшего Иосифа Патриарха Московского, а по челобитью за пометой дьяка Григория Одинцова, той церкви свв. мучеников Флора и Лавра с попа Архипа дани на прошлый 1638 год для ево бедности, имать не велено». После кончины Архипа его место занял сын Алексей Архипов, при котором в

¹⁶ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, л. 19807, л. 88.

церкви появился придел во имя Николая Чудотворца. Но Алексей умер сравнительно молодым. Овдовевшая матушка куда-то съехала, а землю и перевоз в 1649 г. продали в вотчину известному боярину и воеводе князю Юрию Алексеевичу Долгорукому. В отказной книге поместного приказа бывший погост впервые назван селом, «что был погост Фроловский на р. Пахре, а в нем деревянная церковь Флора и Лавра с приделом Николая Чудотворца, а у церкви двор попа, в котором живет вдовая бобылка с четырьмя пасынками, да два двора бобыльских пустых... А по сказке сторонних людей бобыль с племянником бежал в нынешнем году, но где он живет, того они не ведают. А бобыля Гришку Иванова с детьми вывезли люди боярина Никиты Ивановича Романова в нынешнем году»¹⁷. Упомянутый в отказной боярин приходился двоюродным дядей царю Михаилу Феодоровичу и в то время владел соседним селом Ермолино. Князь Долгорукий владел селом недолго, оно в 1662 г. было отписано на Государя и приписано к дворцовой Домодедовской волости.

Церковь с приделом Николая Чудотворца несколько раз перестраивалась и обновлялась, но до начала XIX века оставалась деревянной. Строительство каменной церкви в некоторых печатных источниках датируется 1791 годом. Но это неточно. 3 августа того года митрополитом Платоном дана лишь храмозданная грамота на строительство каменной церкви во имя Флора и Лавра с приделами во имя святых апостолов Петра и Павла и святителя Николая. По клировым ведомостям за 1798 г. церковь значится деревянной. Очевидно, строительство ее затянулось, так как работы проводились в основном за счет прихожан. В те годы в приходе числилось 110 дворов и 1242 прихожанина обоих полов¹⁸. Как каменная и крытая железом она записана лишь в 1819 г., а в письме священника Михаила Васильева и церковного старосты Николая Исидорова архиепископу Московскому и Коломенскому Филарету, датированном июнем 1823 г., сообщалось, что церковь в селе каменная «и утварью довольна» и престол во имя святых апостолов Петра и Павла в правом приделе уже освящен, а на левой стороне трапезы оставлено пустое место, где они хотели бы устроить другой придел во имя святителя Николая и просили на это разрешение, приложив при этом план придела¹⁹.

¹⁷ Там же, д. 9831, л.л. 260-263.

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 203, оп. 744, д. 1574, №96.

¹⁹ Там же, оп. 208, д. 704, л.л. 1-2.

Получив разрешение, они приступили к устройству нового придела, сделав дубовые престол и жертвенник, двухъярусный с вызолоченной резьбой гладкий иконостас, покрытый светло-голубой краской. Царские врата изготовили резными и вызолотили их, а над ними разместили крест с Распятием Христовым. В иконостасе имелось 20 икон местных с серебряными венцами, а икона святителя Николая имела позолоченные ризу и венец. Кроме того, в приделе имелись иконы Спасителя, Божией Матери и Иоанна Предтечи, помещенные в одну позолоченную раму. «По резолюции Вашего Высокопреосвященства, - писал в октябре 1825 г. священник архиепископу Филарету, - дозволено было в нашей церкви в трапезе на левой стороне устроить вновь придел во имя Святителя и Чудотворца Николая, который ныне устроен, совершенно окончен и все благопотребное к священнослужению имеется». Освящен новый придел 18 октября 1825 г. благочинным подольским священником Василием Ивановым²⁰.

Заметный след в истории церкви оставил священник Федор Тимофеевич Шеметов, назначенный сюда в 1835 г. Молодой и энергичный, он в 1837 г. получил разрешение митрополита на первоначальное обучение детей прихожан. В этом же году по его инициативе при церкви в двух избах с сенями открыта богадельня, в которой находили кров и пищу 10-12 человек в возрасте 60-75 лет, не имеющих пристанища.

В те годы разрастался не только Старый Ям, но и селения прихода. К середине XIX в. в них насчитывалось 203 двора с 1848 жителями²¹. Многие из них занимались не только земледелием, но и извозом, в том числе и в Москве, работали на столичных текстильных фабриках, занимались золотопрядильным мастерством. Наиболее состоятельные еще с середины XVIII в. записывались в московское купечество, а молодые вместо армейской службы поступали конюхами, кучерами, мастеровыми в придворную конюшню, не порывая связи с родными селениями. Среди прихожан было немало таких, чей достаток был сравнительно высок и они охотно делились своими доходами с церковью. По инициативе священника Ф.Т. Шеметова в начале 50-х г.г. XIX в. архитектором А.

²⁰ Там же, оп. 210, д. 528, л.л. 1-2.

²¹ Там же, оп. 744, д.2361, л. 143.

Елагиным был разработан проект перестройки трапезы и колокольни храма, а 7 мая 1852 г. получено разрешение на перестройку. Задуманное осуществляли за счет средств прихожан и пожертвований добродетельных людей, а когда оказалось, что средств на перестройку не хватает, взяли заимообразно три тысячи рублей серебром из общественной волостной суммы. В 1855 г. было завершено строительство колокольни, а в последующие пять лет – более обширных приделов, один из которых освятил сам митрополит Филарет.

Однако полностью осуществить елагинский проект так и не удалось и не в последнюю роль по причине начавшейся крестьянской реформы, упомянутых ранее пожаров в селе, упадка торговли.

И только в 1888 г. священник Иоанн Никитин, церковный староста, московский купец, ранее бывший крестьянином д. Павловской, Василий Семенович Леонов, сельские старосты прихода Сергей Андреевич Шурыгин, Борис Иванович Михеев представили митрополиту Иоаникию новый план перестройки храма, составленный епархиальным архитектором В. Крыгиным. В прошении о перестройке подчеркивалось, что по новому плану храм «с внешней стороны будет много величественнее, а по внутреннему устройству открытее, поместительнее, во всем удобнее», и средства и строительные материалы для перестройки имеются, а кирпич и камень старого храма будут употреблены на постройку нового²².

После того, как было получено разрешение митрополита, старый настоящий холодный храм в 1889 г. разобрали, а затем разобрали и своды трапезной. В соответствии с проектом стены трапезы нарастили, над ними возвели новые, более высокие своды с центральным световым барабаном, для поддержания которого поставили четыре каменных столба. По углам новых сводов разместили четыре малых глухих барабана.

Вчерне строительство храма было закончено в 1893 г., когда состоялось освящение правого придела, посвященного святителю Николаю. «В большом торговом селе Подольского уезда Старый Ям, - сообщали «Московские церковные ведомости», - происходило торжество освящения одного из приделов перестраиваемого вновь сельского храма. Старый храм был невелик и не отличался особым

---

²² Там же, оп. 458, д. 10, л. 6.

благолепием. В новом своем виде церковь будет иметь величественный вид. Архитектура храма напоминает собою московскую церковь Василия Кессарийского. Работы производятся исключительно на добровольные пожертвования»²³.

Строительство предусмотренных проектом трех алтарных помещений, примыкающих к трапезе, и внутренняя отделка храма велись в последующие годы. В ходе отделки внутренние стены были покрыты штукатуркой и окрашены, а затем богато расписаны. Храм украсили три новых вызолоченных иконостаса. Перестроенная церковь могла принять одновременно до тысячи верующих. 12 июля 1898 г. освящен левый придел во имя апостолов Петра и Павла, а 23 августа – главный престол во имя свв. мучеников Флора и Лавра²⁴.

Около храма находился деревянный под железной крышей дом, в одной половине которого помещалась церковная сторожка, а в другой – просфорня. В 1899 г. при церкви основано церковно-приходское попечительство во главе со священником Владимиром Игнатьевичем Востоковым и уже в первый год 55 его членов внесли 343 рубля членских взносов, поступило 858 рублей пожертвований деньгами и на 2005 руб. строительными материалами²⁵.

Трудно переоценить заслугу церковного причта в образовании детей прихожан. Еще в 1859 г. по распоряжению удельного начальства в селе было открыто начальное училище. Именовалось оно волостным, размещалось в общественном доме и содержалось за счет специального сбора со всех селений волости. В ходе крестьянской реформы большая Домодедовская волость была разделена. Ее селения вошли в состав новой Домодедовской, а также Шибанцевской, Добрятинской и Сухановской волостей. При этом по решению волостного схода все имущество, принадлежавшее волости, было продано, а деньги поделены между всеми селениями. С первого июня 1868 г. по приговору волостного схода училище закрыли, свыше полсотни учеников распустили, а его помещение заняло волостное правление²⁶.

Обучение ребятишек прихода взяли на себя священнослужители церкви. В 1877 г., например, у них обучались 35 мальчиков из самого

²³ «Московские церковные ведомости», 1893, 14 ноября.

²⁴ Там же, 1898, № 40.

²⁵ Там же, 1900, № 6.

²⁶ ЦИИМ, ф. 66, оп. 1, д. 7031, л. л. 3-10.

села и д. Павловской, а в 1884 г. священник Иоанн Никитин открыл мужскую церковно-приходскую школу, в которую записались 64 мальчика²⁷. Свою лепту в школьное строительство внес церковный староста купец В.С. Леонов. На пожертвованные им две тысячи рублей было построено здание женской церковно-приходской школы, которую открыли 3 октября 1889 г. Члены церковного причта были законоучителями не только в своих, но и в Белеутовской и в Жеребятьевской земских школах, открытых соответственно в 1911 и 1913г.г.²⁸.

Большой популярностью среди прихожан пользовались августовские крестные ходы с иконой Иерусалимской Божией Матери, писанной еще в 1500 г. и доставлявшейся из Бронниц, на что в 1871 г. было дано специальное разрешение²⁹.

Особенно насыщенной церковная жизнь стала с приходом в церковь молодого и энергичного священника Петра Павловича Колосова. Ранее он был священником Никольской церкви с. Летова, где в 1897 г. на свои средства открыл школу грамоты. Прибыв на новое место в 1903 г., он уже на следующий год создал и возглавил Совет попечительства о приходских бедных.

По прошению прихожан, подписанному священником, дьяконом Петром Николаевичем Минервиным, псаломщиком Сергеем Ивановичем Лавровым и церковным старостой Сергеем Ивановичем Поповым, в 1912 г. при церкви создано Общество хоругвеносцев. В его Уставе говорилось, что Общество создано для:

- ношения его членами хоругвей и святых икон при крестных ходах из церкви;
- устройства на средства Общества новых и поправление пришедших в негодность хоругвей, а также фонарей, крестов, киотов для икон, носимых при крестных ходах, а по мере умножения средств и для поддержания благолепия в храме;
- поддержания порядка при богослужениях в церкви в высокочтожественные дни посредством особого наряда из членов Общества;
- оказания помощи и призрения пришедшим почему-либо в бедственное положение, а равно и их семействам.

²⁷ Там же, ф. 184, оп. 10, д. 2115, л.л. 18, 48.

²⁸ Там же, ф. 1731, оп. 1, д. 41, л.л. 203-206.

²⁹ Там же, ф. 203, оп. 744, д. 3202, л. 49.

Членами общества могли стать лица православного вероисповедания всех сословий, достигшие совершеннолетия и «не опороченные в поведении». Они делились на почетных, действительных и пожизненных. К первым относили тех, кто оказывал особые услуги или покровительство; они освобождались от уплаты членских взносов и ношения хоругвей. Действительные члены вносили в кассу Общества по два рубля единовременного взноса и по рублю ежегодно. Те же, кто вносил сразу 25 руб., считались пожизненными членами. По повелению Николая II Святейший синод в марте 1913 г. утвердил форму нагрудного металлического значка в виде хоругви с православным крестом посередине в обрамлении венка из листьев. На нижней его части на развернутой ленте размещалась надпись "1613 г. Ф.Л. с. Я. О.Х.1913», что расшифровывалось как «Церкви Флора и Лавра с. Ям Общество хоругвеносцев», а боковые даты означали 300-летие царствующего дома Романовых, в честь которого и создано было Общество.

Конечно же, его членами становились наиболее состоятельные прихожане, т. к. устав предусматривал изготовление ими за свой счет форменного кафтана определенного покроя из сукна темно-синего цвета с отложным темно-лилового бархата воротником и бархатными того же цвета на рукавах обшлагами. Детали кафтана украшались серебряными галунами и кистями. Носить мундир полагалось только при исполнении членами Общества принятых на себя обязанностей, а в дни крестных ходов в мундире можно было присутствовать и в храме.

Впрочем, состоятельных прихожан в то время было немало. «Приход с. Старого Яма, - писал в представлении благочинный протоиерей Николай Сироткин, - самый богатый в благочинническом округе, многолюдный по числу душ, древний по времени существования. Само с. Старый Ям торговое и большое как город.... В приходе много дач. Население прихода зажиточное. Храм очень большой и богатый»³⁰.

Председателем Общества стал священник П.П. Колосов, он же возглавил Попечительский совет по оказанию помощи семьям прихожан, призванных в армию, и участковое попечительство о

---

³⁰ ЦГИАМ, ф. 203, оп. 759, д. 1338, л.л. 5-9.

бедных вдовах Домодедовской волости. Оба попечительства были созданы в 1914 г.

Вскоре приход обогатился еще одной церковью, построенной в имении З.Г. Рейнбот-Резвой. Основать церковь в Горках пытался еще в последней четверти XVIII в. помещик, капитан артиллерии Иван Михайлович Спасителев. «Жительство я имею в вотчине моей в Московском уезде в Ратуева стану, - писал он в 1776 г. митрополиту Тимофею, - д. Горках с присутственною к ней деревней же Васильевской, в коих стоит ныне 17 дворов, которые приписаны к церкви Флора и Лавра с. Старый Ям, которая обстоит по другую сторону р. Пахры.... А понеже я за слабостью моего здоровья, а паче во время весны и осени по разлитою в той реке большой воды, в которое время перевозу никакого не бывает и за опасностью того как для моления, так и в приключившихся духовных потребностях мне и людям, и крестьянам моим бывает не безостановочно. А ныне желаю я в своей вотчине созидать церковь во имя Одигитрии Пресвятой Богородицы с приделом Димитрия Чудотворца на каменном фундаменте деревянную и содержать при оной как священника, так и причт духовный.... Того ради Вашего Преосвященства прошу о построении той церкви в оной моей вотчине... учинить дозволение».

Митрополит поручил Пехрянскому духовному правлению ознакомиться на месте с обстоятельствами и дать свое заключение. В последнем сообщалось, что в деревнях Спасителява проживает 172 души обоего пола, а по словам священника церкви Флора и Лавра Емельяна Гаврилова их прихожане, живущие за р. Пахрой, «в мирских требах и в самую полую воду остановки не имеют», но строительству в Горках церкви причт прекословить не будет. Однако иного мнения придерживались жители деревень Белеутово, Нового и Старого Съяново. Собравшись на мирской сход при церкви, они единодушно заявили, что «от приходской церкви Флора и Лавра, где их отцы и деды прежде были прихожанами, ни к какой иной церкви отойти не желают».

Ссылаясь на это мнение, консистория просьбу капитана оставила без удовлетворения³¹. Все осталось по-прежнему. И вот летом 1915 г. консистории стало известно, что владелица усадьбы Горки построила-таки у себя церковь. Поскольку официального разрешения на

³¹ ЦГИАМ, ф. 203, оп. 755, л. 84, л.л. 1-16.

строительство церкви консистория не давала, да и проект ее никто не утверждал, благочинному священнику Успенской церкви села Таболово Иосифу Введенскому было поручено осмотреть новопостроенную церковь и расспросить приходского священника о том, почему он о строительстве церкви в его приходе не сообщил в консисторию, а у владелицы усадьбы взять письменное объяснение. Выполнив поручение, Введенский доложил, что церковь построена в 426 метрах от жилых построек усадьбы, а «в архитектурном отношении достойна своего священного назначения, иконописание в иконостасе древнегреческое, все предметы, принадлежащие к богослужению, приобретены храмоздательницей с приличным достоинством».

К своему доношению он приложил письменные объяснения приходского священника и владелицы усадьбы. Первый объяснил, что он «не знал и ни от кого не слышал о строительстве храма, а видеть его было невозможно, так как он построен в глубоком парке госпожи Резвой, куда посторонним вход строго воспрещен, а при незначительной высоте храма среди высоких деревьев он не виден».

Госпожа же Резвая утверждала, что храм она строила на основании устного благословения митрополита Макария. Учítывая, что на территории усадьбы в то время проживало почти 400 человек, да 247 проживали в д. Горки, а также то, что храм уже построен, консистория разрешила освящение храма. Освятил его во имя Покрова Пресвятой Богородицы 17 августа 1915 г. епископ Можайский Димитрий, а консистория постановила: «Признать дальнейшее существование вновь выстроенного и освященного Покровского храма беспрепятственным и считать оный приписанным к ближайшей Флоровской церкви. Приписать причту сей церкви иметь Покровскую церковь в клировых ведомостях как приписанную, а настоятелю Флоровской церкви иметь за нею наблюдение, в особенности же наблюдать за состоянием святого алтаря, престола и жертвенника, иконостаса и святых икон, за целостью и сохранностью святого антиминса и сосудов, святого креста и Евангелия»³². Этим предписанием причт руководствовался в последующие годы. В клировой ведомости церкви за 1916 г. Покровская церковь указана как приписная. Здесь же упомянута и церковная богадельня, открытая в

³² «Видновские вести», 2000, 5 февраля.

двухэтажном деревянном доме на каменном фундаменте священником В.И. Востоковым еще в 1899 г.³³

В 1917 г. в приходе церкви Флора и Лавра значилось уже 385 дворов и 2145 прихожан обоего пола. Доходы церкви от кружечного сбора, сдачи в аренду церковных земель, продажи свечей и других источников за этот год составили почти 10 тыс. рублей, что почти вдвое превышало доходы соседних церквей сел Домодедово и Колычево³⁴.

С первых же лет советской власти церковь стала подвергаться различным гонениям. Землю у нее отобрали, церковно-приходские школы и приходскую Горкинскую церковь закрыли. В последней устроили клуб, который вскоре сгорел.

Весной 1920 г. во время эпидемии тифа священник П.П. Колосов, продолжавший причащать больных и отпевать умерших, сам заразился и умер. Сменил его родной брат Константин Павлович Колосов, который после окончания Московской духовной семинарии некоторое время учительствовал в церковно-приходской школе с. Ям, а в 1907-1920 г.г. был священником Казанской церкви с. Богородское (ныне пос. Володарского Ленинского района Московской области).

В мае 1922 г. уездной комиссией по оказанию помощи голодающим из церкви изъяли все серебряные и позолоченные предметы общим весом 35,2 кг, в т.ч. девять риз с икон, два креста, четыре лампы, ковш, две звездницы, две чаши и три тарелочки.

Священник и члены его семьи были лишены избирательных прав, а затем запретили колокольный звон. «Учитывая ходатайство местного населения о закрытии церкви Флора и Лавра в с. Ям Подольского района и о передаче ее помещения под столовую местного колхоза и принимая во внимание пригодность для этого испрашиваемой церкви, - записал 1 марта 1930 г. в своем постановлении президиум Мособлисполкома, - названную церковь закрыть и здание ее после сфотографирования передать местному райисполкому под устройство столовой для колхоза. С предметами религиозного культа и прочим церковным имуществом поступить согласно постановлению ВЦИК и Совета Народных Комиссаров от 8. IV. 1924г. «О религиозных объединениях». В случае жалобы верующих во ВЦИК (в

³³ Там же, оп. 744, л. 2908, л.л. 145-146, 151-152, 159-160.

³⁴ ЦГИАМ, ф. 203, оп. 753, д. 2447, л.л. 2-3.

двухнедельный срок со дня объявления им настоящего постановления) ликвидация церкви может быть произведена не ранее рассмотрения жалобы ВЦИКом»³⁵.

От кельи до монастыря

Крестьянин д. Ново-Съяново Иван Степанов в молодости проживал в своей деревне с двумя братьями и занимался обычными крестьянскими делами, а затем стал извозничать в Москве. В начале 1848 г. он заболел и, бросив промысел, отправился в Троице-Сергиеву лавру поклониться святым мощам преподобного Сергия и попросить об исцелении. Молился паломник всю Святую неделю и за это время познакомился с юродивым Христа ради Филиппом, который по благословению митрополита Филарета (Дроздова) проживал в знаменитом Гефсиманском ските, а затем для большего уединения поселился в ветхой необитаемой сторожке, находившейся позади скита в густой лесной чаще.

Проживая в сторожке вместе с одним из послушников, они с благословения наместника Лавры выкопали близ сторожки небольшую квадратную пещеру и начали в ней совершать молитвы. Чуть позже первоначальная пещера была расширена, а от нее прорыты подземные коридоры с отдельными пещерками, ставшими кельями.

Бывшего извозчика поразило то, что Филипп в любую погоду был одет в тонкий ветхий подрясник без пояса, обуви не имел, а на теле носил тяжелые вериги. Подвиг юродства Христа ради, устройство Филиппом подземного жилища и места моления сподвигли Ивана на принятие решения удалиться от мирской жизни и полностью посвятить себя служению Богу.

Вернувшись на родину, он встретился с местным крестьянином Иваном Антиповым, который ранее работал на одной из ситценабивных фабрик Москвы, но заболел и вынужден был возвратиться в деревню. Осенью 1846 г. Антипов также ходил в Троице-Сергиеву лавру, где намеревался поселиться в одном из скитов «для спасения души», но из-за болезни не смог выполнять возложенные на него обязанности и вскоре вернулся домой.

³⁵ Государственный архив Московской области (далее ГАМО), ф. 2157, оп. 1, л. 502, л. 50.

Здесь-то родственные души и договорились по примеру Троице-Сергиевых затворников устроить в лесу близ родной деревни келью с пещерами для проживания и молитвы.

С согласия односельчан, они срубили в 340 метрах от западной окраины деревни четырехстенку квадратной формы с одним окном. В переднем углу кельи установили две полки, поставив на верхней иконы, перед которыми горела медная лампада, а также медный крест, кипарисный образ святителя Николая Чудотворца и три стаканчика от лампадок, деревянный ящичек с восковыми свечами, бутылки с деревянным маслом, маленькие щипчики для снятия нагара со свечей.

На нижней полке разместили ветхие церковные книги, а перед полками поставили дощатый налой, за которым читались книги. На оконной занавеси были вышиты кресты, а на стенах расклеены литографии с изображением Страшного Суда, усекновения главы Иоанна Предтечи и Иверской иконы Божией Матери. Рядом с кельей напротив окна поставили деревянный восьмиконечный крест высотой 175 см.

Когда весть о столь необычной стройке дошла до губернских властей, в деревню весной 1849 г. нагрянула большая группа начальства. От дома к дому передавалась весть о том, что приезжие интересуются недавно построенной Степановым и Антиповым кельей, в которой те устраивали какие-то чтения.

В ходе проверки в трех шагах от входной двери обнаружили лаз, ведущий под землю, через 15 шагов по подземному коридору находилась комната длиной 2,8, шириной 1,4 и высотой 2,1 м. Кроме висевшего на стене медного креста с лампадою перед ним, в комнате ничего не было. Еще через четыре шага по подземному коридору располагалась вторая, а еще через шесть шагов – третья комната, в которой перед крестом с лампадой стоял налой.

В ходе дознания было установлено, что пещеры богомольцы выкопали «трудоу ради и для уединения в молитвах». Но большинство жителей деревни о них не знали, так как копали по ночам в Великий Пост, а землю ссыпали в соседний овраг. Келью же в Святую Неделю 1849 г. посетил священник Пахринской церкви Василий Успенский, отслуживший здесь молебен с водоосвящением. Кропил он водою и вход в пещеру, но, как заявил он дознавателям, не знал, что это пещера, приняв ее за погреб.

Вскоре проверяющие на время оставили деревню и возвратились в нее лишь в июле. Оказалось, что за это время Степанов и Антипов успели сходить в Киево-Печерскую лавру, а около креста у кельи поставить «каменные солнечные часы», и на дереве через овраг на земле д. Горки помещицы А.Н. Писаревой повесить деревянный крест. Священник же с. Пахрино рассказал, что у него недавно был Антипов для благословения и поведал о том, что когда он возвратился из скита в деревню и встретился со Степановым, тот разговаривал с ним «чистым языком», при других же, даже при братьях, делался немым. При этом Степанов взял с него слово, что он никому об этом не скажет. Однако Антипова замучила совесть, и он решил объявить о притворстве Степанова.

- Зачем же ты притворяешься? – спросили у Степанова при очной ставке с Антиповым.

- Да, - ответил Степанов, - я действительно был притворно нем, так как наложил на себя обет не только потому, что мне надоела мирская жизнь и суета. Когда я занимался много лет извозничеством, то из-за своей корысти почти всегда в подрядах божился понапрасну, и это меня мучило. Так я и решил сделаться немым и, потрудясь в пещерах, хотел уйти куда-нибудь в монастырь.

Он пояснил также, что келью он построил с благословенья митрополита Филарета, которого встретил в прошлом году при отпевании московской купчихи Лепешкиной. При этом он поднес митрополиту просфору со словами: «Приими от меня, грешного, просфору». Святитель, приняв дар, пригласил его к себе, а когда выслушал его, благословил образом святого Митрофания и сказал: «Трудитесь и молитесь».

Власти, однако, и Степанова и Антипова арестовали и 14 июля отправили подвижников в Подольскую тюрьму, где они должны были находиться «вплоть до уведомления». «По сим обстоятельствам, - записано в делах Московской духовной консистории, - в прекращение на будущее время неуместных и неблаговременных сходбищ людей обоего пола в доме, устроенном Степановым и Антиповым, хотя и с благочестивым намерением, но вне церковного и гражданского порядка и в предупреждение могущих быть неблагоприятных толков и каких-либо вредных последствий учинить:

1) Отнести от лица Его Высокопреосвященства господину Московскому генерал-губернатору и просить, дабы благоволено было приказать кому следует находящиеся в той келье и пещерах пелены и занавески, лампы, свечи, деревянное масло и ладан, а равно налож и два деревянных креста отобрать и отдать в приходскую с. Пахрина церковь для употребления по усмотрению священника. Книги же, медные кресты, картины и образы доставить в консисторию для освидетельствования. Выстроенную самовольно так называемую келью с пещерами... уничтожить.

2) Крестьян Степанова и Антипова, как не оказавшимися раскольниками и сектантами, но по неправильно понимаемой набожности впавших в действия незаконные, ... отослать на неделю в Данилов монастырь для вразумления и наставления дела благочестия, без нарушения церковных правил и гражданских законов.

3) Священника с. Пахрино Василия Успенского как совершившего молебен с водоосвящением в келье и кропившего вход в пещеру святою водою по неведению о их действиях, оставить без взыскания».

В ноябре молещики провели неделю в монастыре и по отзыву архимандрита Пармена «вели себя добропорядочно и по желанию их были исповеданы»³⁶.

Но Степанов не прекратил поиска своего пути служения Богу. Он несколько лет странствовал по святым местам, подражая святым подвижникам, ходил в любое время года одетым лишь в рубашку, босой и без головного убора, в веригах. Большую часть времени он находился в Москве, где пользовался славой человека, обладавшего пророческим даром. К нему благосклонно относились многие москвичи, включая самого митрополита Филарета. Являясь прихожанином церкви Флора и Лавра, он в начале 50-х г.г. XIX в. небезуспешно собирал пожертвования на ее обновление. Однако желание возобновить неусыпное чтение Псалтыри не покидало его. Когда в 1853 г. богадельню при церкви снесло паводком, он предложил священнику Федору Шеметову построить вместо нее молитвенный дом, где можно было бы, как говорилось в просьбе митрополиту «денно-ночно читать Псалтырь лицами женского пола о здравии царствующего дома, об усмирении продолжающейся

³⁶ ЦГИАМ, ф. 203, оп. 269, д. 1, л.л. 97-150.

войны..., и особо об упокоении православных воинов, за Веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положивших». При этом священник пояснил, что средства на строительство и содержание дома выделяют благодетели. На этой просьбе митрополит Филарет написал: «Благословить богоугодное начинание и благодееющих и молящихся»³⁷.

По воспоминаниям архимандрита Николо-Угрешского монастыря Пимена, неусыпное чтение Псалтыри сперва начали в доме священника³⁸, а после освящения вновь построенного около церкви двухэтажного молитвенного дома 18 декабря 1855 г. чтение продолжили уже в нем. В благословение митрополит прислал в дом старинного письма Иерусалимскую икону Божией Матери, а его устроителю Степанову подарил три Псалтыри. И то и другое стало главными святынями молитвенного дома.

Однако светские власти к открытию молитвенного дома отнеслись с большой настороженностью. Уже на следующий день после его освящения в село прибыли уездный исправник Афанасьев с приставом 2-го стана Козловым и понятыми и, осмотрев дом, провели дознание.

«Внизу, - писали они в отчете, - большая комната, в углу ее большая икона с изображением Иерусалимской Божией Матери, перед иконой три большие подставные подсвечника, в коих восковые зажженные свечи, аналой, на нем Псалтырь. В комнате 16 женщин, большей частью все молодые девушки и изредка вдовы в черных коленкорových платьях особого покроя, затем кухня и налево номера.

Наверху две келейки, в каждой перед иконами находится по одному аналойчику на одной ножке, перед ними свечи, на аналое Псалтырь, за одним из них женщина в черном платье – читательница Псалтыри.

Далее 13 номеров, в каждом из которых по узенькой кровати для девиц и вдов, поступивших в это заведение.

Священник пояснил, что все девушки и женщины, посвятившие себя в читательницы, должны быть в черных костюмах и платках, а обязанность их быть два раза в день на правилах и читать попеременно безостановочно Псалтырь у неугасимой лампы, а открыть оное ему

³⁷ Там же, ф. 17, оп. 13, д. 192, л.л. 11-12.

³⁸ «Чтение в Императорском обществе истории и древностей Российских», кн. 1, М., 1877, с. 304.

разрешил святейший митрополит, и предъявил подлинную резолюцию митрополита, написанную на прошении священника.

Старший над читальницами – сам священник, а настоятельницей является Владимирской губернии г. Мурома мещанка Татьяна Андреева. С ними же находится крестьянин д. Съяново Иван Степанов лет 35-ти, холост, он в веригах, рубашке, босой.

... Кроме непрерывного чтения Псалтыри по очереди живущими в том же доме, каждый день утром и вечером читаются каноны и акафисты, для слушания коих, кроме живущих тут, приходят и другие, иногда в значительном количестве, особенно вечерами, под праздничные дни. Упомянутый Иван Степанов приходит в дом только для слушания канонов и акафистов».

Исправнику было приказано вести за домом постоянное наблюдение и обо все подозрительном рапортовать немедленно губернатору, что он и делал с усердием. В мае 1856 г. он доносил, что в молитвенный дом из Москвы прибыли на время несколько малолетних девушек.

В этом же году дом официально стал называться молитвенным богадельным домом, а его настоятельницей стала давняя знакомая Ивана Степанова, не жалевшая средств для его благоустройства, вдова купца Параскева Родионовна Саватюгина. Деятельность дома получила широкую известность, и он пополнялся новыми членами. Ими становились преимущественно девушки в 16-25 лет из соседних деревень Съяново, Макарово, Белеутово, Чурилково, Малое Юсупово, с. Ирнинского, а также из селений Орловской, Тверской, Калужской губернии, из мещанских и купеческих семей г. Москвы³⁹.

Московский генерал-губернатор А.А. Закревский, ссылаясь на то, что в богадельном доме обитают не убогие и старые, а молодые женщины, подчеркивал, что это не соответствует положению о богадельнях и ходатайствовал перед министром внутренних дел о его закрытии. Однако Святейший Правительствующий Синод, заслушав 15 января 1860 г. дело о Старофлоровском молитвенно-богадельном доме, «не нашел основательного повода к закрытию». В это время здесь проживали уже 36 девушек и вдов⁴⁰.

³⁹ ЦГИАМ, ф.1371, оп. 1, л. 60, л.л. 2-15.

⁴⁰ Там же, ф. 17, оп. 13, л. 192, л. 12.

Прибывший в село по приглашению Ивана Степанова для освящения Никольского придела церкви митрополит Филарет посетил и молитвенно-богдельный дом. «Здесь не богдельня, а монастырь», - заключил владыка.

Как официального учредителя молитвенно-богдельного дома, Степанова беспокоило будущее своего детища, поскольку им занимаемое помещение стало тесным для дальнейшего развития. Рядом с селом имелись свободные помещения, оставшиеся после ликвидации Пахринской Императорской сводной конюшни, и он начал хлопотать о предоставлении их для размещения дома. Новое место прельщало Степанова тем, что оно было более тихим, чем Ям. К тому же там имелся прекрасный Троицкий храм, который бедствовал по причине резко сократившегося прихода. Однако все старания Степанова оказались напрасными, власти отказали ему в просьбе. Зато осуществилась давняя мечта его о преобразовании молитвенно-богдельного дома в общину. В 1965 г. Император Александр II дал согласие на учреждение Флоровской женской общины⁴¹.

Жизненные невзгоды и пережитые лишения сказались на здоровье подвижника, и он скончался в праздник Рождества Христова 25 декабря 1865 г. Отпевали его в церкви Флора и Лавра, а похоронили на кладбище при Троицкой церкви с. Пахрино. В память о своем основателе в Общине бережно хранили его рубашку, нагрудный свиток и вериги, которые он носил, а самое главное – продолжили начатое им дело. К 1870 г. число сестер в Общине достигло 70-ти, а проблема поиска более подходящего места для нее стала еще более острой. И такое место вскоре было найдено. Всего в нескольких километрах от с. Старый Ям вниз по течению реки Пахры, на левом берегу располагалось древнее сельцо Лукино, окруженное лесами. Первые сведения о нем содержит грамота Царя и Великого Князя Василия Ивановича Шуйского от 19 августа 1609 г., данная братьям Борису и Ивану Есиповым. Из нее следует, что еще в конце XVI в. здесь находилась деревня Лукино, разоренная в годы смуты и превратившаяся в пустошь. Числилась пустошь в поместье «за Иваном да за Истомой Санбуловыми, а Иван и Истома нам изменили, отъехали к вору», поэтому поместье и было пожаловано Есиповым. «И вы б, все крестьяне, - говорилось в грамоте, - которые на тех пустошах учнут

⁴¹ «Православные русские обители». СПб, 1910, с. 347.

жити, Бориса да Ивана Есиповых слушали, пашни на них пахали и доход им помещиков платили»⁴².

Этими помещиками деревня возрождена, но уже как сельцо, а очередным его владельцем советником Андреем Федоровичем Хрущевым еще в 30-е г.г. XVIII в. здесь построена деревянная церковь во имя Всемилостивого Спаса, и сельцо стало именоваться селом Спасским, Лукино тож. Храмосдател в 1740 г. был казнен вместе с кабинет-министром А.П. Вольским и архитектором П.М. Еропкиным за выступление против бироновщины, а с. Спасское отдано его жене и детям.

В приходе церкви (село и д. Витовка) насчитывалось всего 13 дворов с сотней жителей и из-за малости прихода они в 1784 г. были приписаны к Воскресенской с. Колычева церкви⁴³.

К 1830 г. Спасская церковь настолько обветшала, что велено было ее разобрать, а утварь передать в Колычевскую церковь. На месте, где ранее находился престол, был поставлен каменный столб высотой в два с лишним метра, с восточной стороны которого укрепили икону Спасителя. Возле столба покоился прах служившего в церкви священника, а недалеко от него находился колодец, по случаю явления здесь чудотворной иконы святой мученицы Аниссии, называвшийся святым.

«Опасаясь, - писала в консисторию помещица Александра Петровна Головина в 1846 г., - чтобы столь священное место со временем не запустело или даже не было употреблено неприлично, и дабы вовсе оградить его от подобного небрежения, я возымела желание построить на нем собственным своим иждивением каменную со сводом часовню, в которую бы удобно было помещать тела усопших и отправлять некоторые службы в случае затруднительного сообщения с приходской церковью во время разлития реки»⁴⁴.

Получив разрешение, помещица построила не часовню, а небольшую каменную церковь с колокольной, поставив в ней престол и иконостас. Освящена церковь была 10 октября 1848 г. во имя Воздвижения Честного Креста Господня. Около нее были похоронены муж помещицы гв. подпоручик Николай Иванович Головин и их дочь Софья, на могилах которых Александра Петровна поставила памятник

⁴² «Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века», т. II, М., 1998. № 152.

⁴³ ЦГИАМ, ф. 203, оп. 744, д. 1574. № 51.

⁴⁴ Там же, оп. 426, д. 13, л. 1.

из черного мрамора. Дожив до преклонных лет, вдовая владелица имения беспокоилась о будущем столь дорогого для ее сердца места. Еще при своей жизни она передала усадьбу имения с господским домом и церковью Екатерининской пустыни, оставив за собой пожизненное право пользоваться господским домом, с условием, что братия пустыни будет отправлять ежедневное служение в церкви. Но из-за удаленности пустыни и по ряду каких-то других причин ее отношения с братией пустыни расстроились и с Высочайшего соизволения усадьба была передана Флоровской общине.

Переселение общины на новое место пришлось на 17 мая 1870 г. Ранним утром около церкви Флора и Лавра собралось множество людей. Многим из них казалось, что с утратой почитаемой Иерусалимской иконы Божией Матери они лишались чего-то очень ценного, ставшего важной частью их жизни. Членам же Общины было жалко расставаться с обжитым местом. Отслужив обедню и напутственный молебен, под звон церковных колоколов прихожане и члены Общины во главе с архимандритом Пименом, иеромонахами и иеродьяконом Николо-Угрешского монастыря длинной вереницею покинули село и направились в Лукино. По пути на могиле Ивана Степанова близ Пахринской церкви отслужили заупокойную литию, а затем двинулись дальше. Жители всех деревень, через которые проходила процессия, встречали хлебом-солью, падали ниц перед святой иконой. По мере приближения к Лукино число сопровождавших икону увеличивалось, а около святого колодца прибывающих встретил крестный ход со святыми иконами и хоругвями из Лукинской Крестовоздвиженской церкви. Все вместе обошли новые владения Общины и около церкви отслужили благодарственный молебен, после которого в господском доме состоялась трапеза.

Начался новый этап в истории Общины, которая была официально открыта 28 июня под названием Крестовоздвиженской Флоролаврской. Ее попечителем утвержден племянник настоятельницы Е.Ф. Саватюгин. В память переселения Общины был посажен кедр, сохранившийся до настоящего времени. Ежегодно в день открытия Общины совершали крестный ход.

Освоение нового места началось со строительства на средства Саватюгина второго храма во имя Иерусалимской иконы Божией Матери и примыкавшего к храму трехэтажного корпуса для сестер Общины. Коричневый с коробовым сводом храм освящен 30 сентября 1873 г., в нем поместили самую главную свою святыню – Иерусалимскую икону Божией Матери.

В нижнем каменном этаже келейного корпуса разместили просвирию и квасовую, а в верхних деревянных – кельи и рукодельную мастерскую.

Одновременно строились небольшая гостиница, конюшня и скотный двор, был разбит фруктовый сад, саженцы для которого завезли из Крыма, основана пасека.

С принятием настоятельницей Общины Саватюгиной в 1873 г. монашеского пострига под именем Павлы жизнь в Общине постепенно приняла монастырский уклад, но не ограничиваясь стенами обители. «Особо чтимая писаная храмовая икона Иерусалимской Божией Матери, - сообщала монахиня Павла в консисторию, - по усердию жителей ближайших селений, состоящих в Подольском уезда на расстоянии от одной до шести верст, ежегодно износится для совершения молебствий. Сопровождается сия икона и молебствия совершаются местным нашим священником Иоанном Вишняковым и послушницами, молебствия в каждом селении продолжаются не более полудня, а икона в тот же самый день приносится обратно в церковь»⁴⁵.

Деятельность общины была широко известна и привлекала все новых благотворителей. Московская мещанка Анна Матвеевна Петрова по духовной завещала ей свой московский дом с жилыми и нежилыми строениями и землю для устройства в нем подворья⁴⁶.

Определением Святейшего Синода в 1887 г. Община переименована в Крестовоздвиженский Иерусалимский общежительный женский монастырь.

Клип церкви

Священники

1627-1639 Архип Васильев

1646 Алексей Архипов

⁴⁵ ГАМО, ф. 1368, оп. 1, л. 102, л. 17.

⁴⁶ ЦГИАМ, ф. 203, оп. 659, д. 79, л. 14.

1680 Ефрем Никитин
1710-1731 Афанасий Кондратьев
1731 Федот Федоров
1766-1776 Емельян Гаврилов
1788 –1809 Стефан Иванов
1823-1835 Михаил Васильев
1835-1859 Федор Тимофеевич Шеметов
1875-1889 Иоанн Никитин
1889-1900 Владимир Игнатъевич Востоков
1903-1920 Петр Павлович Колосов
1920-1923 Константин Иванович Колосов

...

Дьяконы

1766 Федор Емельянов
1788-1803 Стефан Данилов
1835-1859 Василий Васильев
1873-1890 Павел Петрович Колосов
1905-1918 Петр Николаевич Минервин

Дьячки

1627 Илейка Прокофьев
1646 Потапко Куприянов
1710-1722 Гавриил Лазарев
1766 Даниил Емельянов
1788-1803 Федор Григорьев
1835-1859 Василий Петрович Лавров

Пономари

1627 Григорий Федоров
1710 Никита Исаев
1766 Иван Емельянов
1803 Косма Андреев
1853-59 Михаил Борисович Лавров
1881-1883 Иоанн Михайлович Лавров

Псаломщики

1890-1918 Сергей Иванович Лавров

Житие священномученика протоирея Ярослава Савицкого, Ямского

Священномученик Ярослав Исаакович Савицкий родился 28 марта 1882 года в селе Пухлое Бельского уезда Гродненской губернии (на территории Польши, которая в то время входила в состав Российской империи; сейчас это территория Западной Белоруссии). Его отец Исаак Савицкий служил диаконом. Как это часто бывало в семьях духовенства, Ярослав Савицкий решил пойти по стопам отца. Он поступил в духовную семинарию, которую окончил в 1903 году, после чего работал школьным учителем. Через несколько месяцев Ярослав Исаакович был утвержден в должности псаломщика. В 1905 году он был рукоположен во священника. Незадолго до принятия священного сана Ярослав Исаакович женился на Ольге Федоровне (1883 г.р.). В 1906 году у них родился сын Леонид, в 1907 году – второй сын Георгий, а в 1911 году – дочь Нина.

Есть основания предполагать, что местом служения отца Ярослава в этот период был Гродненский Красностокский женский монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, основанный в 1901 году. Во время I Мировой войны, в связи с наступлением немецких войск и угрозой католической экспансии, духовенство и насельницы монастыря вынуждены были покинуть Гродно и переехать в Московскую губернию, а, точнее, в Екатерининскую пустынь Подольского уезда (сейчас – около г. Видное), где в то время располагался мужской монастырь. Таким образом, семья Савицких оказалась в Московской губернии.

В 1919 году мужской монастырь в Екатерининской пустыни был ликвидирован, но насельницы бывшего Красностокского монастыря организовали сельскохозяйственную трудовую коммуну, и в такой сокрытой форме обители удалось просуществовать до 1929 года. Сохранился «протокол № 1 общего собрания гражданок сельскохозяйственной трудовой коммуны Екатерининской пустыни от 17 февраля 1921 года». Среди вопросов, стоявших на повестке дня, был и вопрос «о лицах, проживающих в пределах коммуны, не состоящих членами в ней». Собрание постановило: «оставить при приходской церкви священника Ярослава Савицкого и диакона Иакова Ференца». Остальных четырех священников забрали в ополчение.

Таким образом, когда власти разрешили оставить только одного священника, сестры выбрали именно отца Ярослава для духовного кормления монастыря.

В 1919 году отец Ярослав за ревностное служение Церкви Божией был награжден саном протоиерея. А в ноябре 1923 года игуменья Елена обратилась с просьбой о награждении протоиерея Ярослава очередной наградой: «отец Ярослав Савицкий ... перенес все невзгоды войны и беженства, а теперь, с 1918 года, в пустыни, не оставил ее и много помогал приходской общине и ревностно исполнял пастырские обязанности. Считаю долгом ... усердно ходатайствовать о награждении его, за верную службу – палицею». На этом прошении стоит резолюция Патриарха Тихона: «Удостоить».

В 20-ые годы отец Ярослав и члены его семьи были лишены избирательных прав. Упоминания об этом сохранились в «Списках лиц лишенных избирательных прав Сухановской волости (на территории которой находилась Екатерининская пустынь) Подольского уезда за 1923-1925 гг.».

В 1929 году сельскохозяйственную артель разогнали и храм закрыли. К этому времени в пустыни оставалось 117 монахинь и послушниц. Известно, что с 1927 года отец Ярослав бывал в селе Ям Домодедовской волости Подольского уезда, а после закрытия Екатерининской пустыни в 1929-30 годах он стал настоятелем храма свв. мчч. Флора и Лавра села Ям.

В это время «строители светлого будущего» провозгласили курс на коллективизацию. Эта безжалостная компания не минула и крестьян села Ям. Конечно, отец Ярослав не мог оставаться в стороне от бед и горестей своей паствы. Выражаясь языком его будущих обвинителей, «контрреволюционную деятельность Савицкий Ярослав начал в селе Ям развивать явно с момента коллективизации, т.е. с 1930 года. 18 марта Савицкий совместно с кулаками, ныне высланными, устроил в селе Ям демонстрацию, направленную на срыв коллективизации. В демонстрации принимало участие до 170 человек. Организована она была в церкви и под руководством Савицкого с пением духовных песней направилась к сельсовету, откуда по предложению членов сельсовета была распущена. В период ликвидации кулачества Савицкий в церкви служил молебны за здоровье высланных кулаков». (Из материалов следственного дела.

Показания свидетеля.) Людям «новой формации» сложно было понять, что пастырь не мог не молиться о своих безвинно гонимых чадах – крестьянах, которых ограбили и выслали из родных домов.

Когда отец Ярослав с семьей переехал в село Ям, церковный дом у прихода уже отняли, и жить им было негде. Их приютила семья прихожанки храма Марии Федоровны Кишенковой. В ее доме (он сохранился до наших дней), в маленькой комнатке, семья Савицких так и жила до самого ареста отца Ярослава в 1937 году. По воспоминаниям дочери их хозяйки, никакого имущества, кроме немногочисленных личных вещей, у них не было.

По словам жителей села Ям, батюшка был очень добрым человеком, и все прихожане его любили. Все отмечают его образованность, ум и силу характера. Несмотря на открытые гонения на Церковь Христову, по свидетельству очевидцев, отец Ярослав открыто ходил по домам, утешал и наставлял паству.

Эти качества, а также твердая вера и ревность отца Ярослава вызвали преследования со стороны властей. Так, в 1933 году он был судим Подольским народным судом «за покупку свечей» и приговорен к пяти годам лишения свободы. Дело было настолько грубо сфабриковано, что Мособлсуд отменил это решение.

Пастырское служение в эти тяжелые годы не могло не отразиться на здоровье отца Ярослава, – у него было больное сердце.

В обвинительном заключении отца Ярослава приводятся такие его слова, записанные рукой сотрудника НКВД: «Советская власть никого не щадит, даже и с святой церкви сдирает последние гроши». И далее после запрета ходить по домам с иконами отец Ярослав обращается к советской власти: «Все равно не заглушить православную веру, вам скорее придет конец, народное терпение лопнет и придется вам отвечать за все притеснения». Сейчас невозможно установить, говорил ли так сам отец Ярослав, или это только показания лжесвидетелей, но, в любом случае, безбожная власть не могла терпеть рядом с собой такую яркую и несгибаемую личность, какой был ямской настоятель.

Арестовали отца Ярослава 27 ноября 1937 года по обвинению в «активной контрреволюционной деятельности». Сотрудники органов НКВД приехали за ним около двух часов ночи. С 27 ноября 1937 года его содержали под стражей в Серпуховской тюрьме. Обвинение в

антисоветской агитации он не признал. Решением судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области от 1 декабря 1937 года протоиерей Ярослав Савицкий был приговорен к расстрелу. Казнь священномученика состоялась 8 декабря 1937 года. Таким образом, антихристианской власти для совершения ее «правосудия» хватило 12 дней от ареста до расстрела. Место захоронения отца Ярослава неизвестно, возможно – это полигон «Бутово», куда свозили на расстрел узников московских и областных тюрем.

После ареста отца Ярослава Ольга Федоровна Савицкая переехала в Москву в Вешняки. Все трое детей отца Ярослава в то время уже жили и работали в Москве.

Богослужение в храме свв. мчч. Флора и Лавра было возобновлено в 1990 году. С тех пор духовенство и прихожане храма молились об упокоении убиенного протоиерея Ярослава. А с августа 2000 года после канонизации Архиерейским Собором сонма новомучеников и исповедников Российских⁴⁷ - прибегают к молитвенной помощи священномученика Ярослава Ямского.

Отец Ярослав, стяжав мученический венец, предстоит Престолу Всевышнего и молится за нас. Память священномученика протоиерея Ярослава совершается в день его мученической кончины 25 ноября / 8 декабря и в день Собора новомучеников и исповедников Российских (25 января / 7 февраля или в ближайший воскресный день после 25 января).

---

⁴⁷ Деяния Освященного Архиерейского собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века. 16 августа 2000 г.